

АЛЕКСАНДР ШУМИЛИН

ВАНЬКА РОТНЫЙ

ДНЕВНИК СОЛДАТА

За правдивость книгу долгое время отказывались печатать, но именно неподдельная честность автора и ставит это произведение в один ряд с великими мемуарами о Великой Отечественной войне

Новое переработанное
издание

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

Книги о войне

Александр Шумилин

Ванька-ротный

«Издательство АСТ»

1980

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шумилин А. И.

Ванька-ротный / А. И. Шумилин — «Издательство АСТ»,
1980 — (Книги о войне)

ISBN 978-5-17-105399-4

«Ванька-ротный» – это искренний рассказ о трудных военных буднях стрелкового офицера Великой Отечественной Войны. Повествуя о невзгодах, которые постигли миллионы красноармейцев на фронте в период с августа 1941 по апрель 1944 года, автор отобразил события с поражающей натуралистичностью. В данном издании представлена отредактированная и переработанная рукопись. За правдивость автора, в частности, за его критику роли и места вышестоящего командования, книгу долгое время отказывались печатать, но именно эта неподдельная честность и позволяет нам сказать, что данные воспоминания – правдивый рассказ героя войны.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105399-4

© Шумилин А. И., 1980
© Издательство АСТ, 1980

Содержание

Предисловие	6
1941 год	10
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Шумилин

Ванька-ротный

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Предисловие

В октябре 1975 года я получил письмо от комсомольцев военно-патриотического отряда «Маресьевец» школы № 42 города Калинин с просьбой назвать фамилии тех, кто захоронен в братской могиле возле платформы станции Чуприяновка. Я написал в письме о боях за станцию Чуприяновка и о том, как погибшие солдаты стали неизвестными. Обстоятельства сложились так, что с тех пор я решил привести в порядок свои воспоминания. Собственно, это письмо и послужило началом работы над книгой – восстановить подробно в памяти всё пережитое. Сейчас, когда мой «финиш» недалеко, хочется успеть как можно больше сделать. Свободного времени мало, я то болею, то работаю, а время бежит быстрее мысли.

В те суровые дни войны вся тяжесть в боях по освобождению земли нашей легла на пехоту, на плечи простых солдат. Получая пополнение в людях, мы вели непрерывные бои, не зная ни сна, ни отдыха. Захлёбываясь кровью и устилая трупами солдат эту прекрасную землю, мы цеплялись за каждый бугор, за каждый куст, за опушки леса, за каждую деревушку, за каждый обгорелый дом и разбитый сарай. Многие тысячи и тысячи наших солдат навечно остались на тех безымянных рубежах.

В декабре 1941 года мы были плохо обеспечены оружием и боеприпасами. Артиллерии и снарядов практически не было. У нас, в стрелковых ротах, были только винтовки и десяток патронов на брата. Время было тяжёлое, враг стоял под Москвой. Вам трудно будет представить, какие это были бои. Немец был вооружен «до зубов», его артиллерия разносила наши позиции, не жалея снарядов...

Очень многие из вас, имея поверхностное представление о том, что такое война, самоуверенно считают, что они в достаточной степени осведомлены. Про войну они читали в книжках и смотрели в кино. Меня, например, возмущают книжицы «про войну», написанные прифронтовыми «фронтовиками» и «окопниками» штабных и тыловых служб, в литературной обработке журналистов.

А что пишут те, которых возвели до ранга проповедников истины?! Взять хотя бы Константина Симонова с его романами про войну. Сам Симонов войны не видел, смерти в глаза не смотрел. Ездил по прифронтовым дорогам, тёр мягкое сиденье легковой машины. Войну он домысливал и представлял по рассказам других, а войну, чтобы о ней написать, нужно испытать на собственной шкуре! Нельзя писать о том, чего не знаешь. О чём может сказать человек, если он от войны находился за десятки километров?!

Многие о войне судят по кино. Один мой знакомый, например, утверждал, что когда бой идёт в лесу, то горят деревья.

– Это почему? – спросил я его.

– А разве ты в кино не видел?

По кино о войне судят только дети. Им непонятна боль солдатской души, в кино им подают стрельбу, рукопашную с кувырканиями и пылающие огнём деревья, облитые перед съёмкой бензином.

Художественное произведение, поставленное в кино, или так называемая «хроника событий», дают собирательный образ боёв, сражений и эпизодов, отдаленно напоминающий войну. Должен вас разочаровать, от кино до реальной действительности на войне очень далеко. То, что творилось впереди, во время наступления стрелковых рот, до кино не дошло. Пехота унесла с собой в могилу те страшные дни.

Войну нельзя представить по сводкам Информбюро. Война – это не душещипательное кино про любовь на «фронте». Это не панорамные романы с их романтизацией и лакировкой действительности. Это не сочинения тех прозаиков-«фронтовиков», у которых война – только второй план, фон, а на переднем, заслоняя всё пространство в кружевах литературных оборо-

тов и бахrome, стоит художественный вымысел. Это не изогнутая стрела, нарисованная красным карандашом и обозначающая на карте направление главного удара дивизии. Это не обведенная кружочком на карте деревня...

Война – это живая человеческая поступь солдата: навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу, пока она яркая и пока ещё льётся. Это брошенные до весны солдатские трупы. Это шаги во весь рост, с открытыми глазами – навстречу смерти. Это клочья шершавой солдатской шинели со сгустками крови и кишок, висящие на сучках и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы – у солдата оторвана вся нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо – разорванного снарядом солдата. Это сотни и тысячи других кровавых картин на пути, по которому прошли за нами прифронтовые «фронтовики» и «окопники» батальонных, полковых и дивизионных служб.

Но война – это не только кровавое месиво. Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходила вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных «фронтовиков» и «окопников».

Война – это как раз то, о чём не говорят, потому что не знают. Из стрелковых рот, с передовой, вернулись одиночки. Их никто не знает, и на телепередачи их не приглашают, а если кто-то из них и решается сказать правду о войне, то ему вежливо закрывают рот...

Напрашивается вопрос: кто из оставшихся в живых очевидцев может сказать о людях, воевавших в ротах? Одно дело – сидеть под накатами, подальше от передовой, другое дело – ходить в атаки и смотреть в упор в глаза немцам. Войну нужно познать нутром, прочувствовать всеми фибрами души. Война – это совсем не то, что написали люди, не воевавшие в ротах!

Тех, кто был во время войны приписан к действующей Красной Армии, я делю на две группы: на фронтовиков и «участников», на тех солдат и офицеров, которые были в ротах, на передовой во время боя, и на тех, кто сидел у них за спиной, в тылу. Война для тех и других была разная, поэтому и говорят, и помнят о ней те и другие по-разному.

Это были нечеловеческие испытания. Кровавые, снежные поля были усеяны телами убитых, кусками разбросанного человеческого мяса, алыми обрывками шинелей, со всех сторон неслись отчаянные крики и стоны солдат... Всё это надо самому пережить, услышать и увидеть, чтобы во всех подробностях представить эти кошмарные картины войны.

Вот и сейчас я пишу и вижу – они передо мной, как живые... Я вижу изнуренные, бледные лица солдат, и каждый из них, умирая, хотел что-то сказать... Сказать тем, кто останется после них жить на этой земле, пропитанной их кровью. Эти мысли и не дают мне покоя.

С какой безысходной тоской о жизни, с каким нечеловеческим страданием и умоляющим взором умирали эти люди!.. Они погибали не по неряшливости и не в тишине глубокого тыла, как те сытые и согретые теплом деревенских изб и жителей прифронтовые «фронтовики» и «окопники».

Они – фронтовики и окопники стрелковых рот, перед смертью жестоко мёрзли, леденели и застывали насмерть в снежных полях на ветру. Они шли на смерть с открытыми глазами, зная об этом, ожидая смерть каждую секунду, каждое мгновение, и эти маленькие отрезки времени тянулись, как долгие часы.

Осужденный на смерть по дороге на эшафот, так же как и солдат с винтовкой в руках, идущий на немца, всеми фибрами своей души ощущает драгоценность уходящей жизни. Ему хочется просто дышать, видеть свет, людей и землю. В такой момент человек очищается от корысти и зависти, от ханжества и лицемерия. Простые, честные, свободные от человеческих пороков солдаты каждый раз приближались к своей последней роковой черте.

Без «Ваньки-ротного» солдаты вперёд не пойдут. Я был «Ванькой-ротным» и шёл вместе с ними. Смерть не щадила никого. Одни умирали мгновенно, другие – в муках истекали кровью. Только некоторым из сотен и тысяч бойцов случай оставил жизнь. В живых остались редкие одиночки, я имею в виду окопников из пехоты. Судьба им даровала жизнь как высшую награду.

С фронта пришли многие, за спиной у нас много было всякого народа, а вот из пехоты, из этих самых стрелковых рот, почти никто не вернулся.

На фронте я был с сентября сорок первого года, много раз ранен. Мне довелось с боями пройти тяжелый и долгий путь по дорогам войны. Со мной рядом гибли сотни и тысячи солдат и младших офицеров. Многие фамилии из памяти исчезли. Я иногда даже не знал фамилии своих солдат, потому что роты в бою хватало на неделю. Списки солдат находились в штабе полка. Они вели учёт и отчитывались по потерям. Они высылали семьям извещения.

У лейтенанта в роте были тяжелые обязанности. Он своей головой отвечал за исход боя. А это, я вам скажу, не просто! Как в кино – сел и смотри. Немец бьёт – головы не поднимать, а «Ванька-ротный» – кровь из носа, должен поднять роту и взять деревню, и ни шагу назад – таков боевой приказ.

Вот и теперь у меня перед глазами ярко встали те кошмарные дни войны, когда наши передовые роты вели ожесточенные бои. Всё нахлынуло вдруг. Замелькали солдатские лица, отступающие и бегущие немцы, освобожденные деревни, заснеженные поля и дороги. Я как бы снова почувствовал запах снега, угрюмого леса и горелых изб. Я снова услышал грохот и нарастающий гул немецкой артиллерии, негромкий говор своих солдат и недалёкий лепет засевших немцев.

Вероятно, многие из вас думают, что война – это интересное представление, романтика, героизм и боевые эпизоды. Но это не так. Никто тогда – ни молодые, ни старые – не хотели умирать. Человек рождается, чтобы жить. И никто из солдат, павших в бою, не думал так быстро погибнуть. Каждый надеялся только на лучшее. Но жизнь пехотинца в бою висит на тоненькой ниточке, которую легко может оборвать немецкая пуля или небольшой осколочек. Солдат не успевает совершить ничего героического, а смерть настигает его.

Каждый человек имеет силы сделать что-то большое и значительное. Но для этого нужны условия. Должна сложиться обстановка, чтобы порыв человека заметили. А на войне, в стрелковом бою, где мы были предоставлены сами себе, чаще случалось, что каждый такой порыв заканчивался смертью.

На войне наша земля потеряла миллионы своих лучших сыновей. Разве те, кто в сорок первом с винтовкой в руках и горстью патронов шли на верную смерть, не были героями?! Я думаю, что именно они являются теми единственными и истинными героями. Они спасли нашу землю от нашествия, и их кости остались в земле. Но и по сей день лежат они неизвестными – ни могил, ни имен.

Только за одно то, что перенёс русский солдат, он достоин священной памяти своего народа! Без сна и отдыха, голодные и в страшном напряжении, на лютom морозе и всё время в снегу, под ураганным огнём немцев, передовые роты шли вперёд. Невыносимые муки тяжелораненых, которых подчас некому было выносить, – всё это выпало на долю идущего на врага пехотинца.

Жизнь человеку дается один раз, и это самое ценное и дорогое, что есть у каждого. На войне были многие, но ещё больше – десятки миллионов остались лежать в мёртвой тишине. Но не все живые и вернувшиеся с войны знают, что означает идти в составе стрелковой роты на верную смерть.

В моей книге «Ванька-ротный» больше человеческого горя и страданий, чем радостных и веселых боевых эпизодов.

Возможно, мне не удалось в полной мере и беспристрастно передать всё пережитое. Но всё это было – в моей жизни, на войне, в действительности и на самом деле. Вы должны понять эту суровую правду!

Окопник сразу и без домисливания понял бы меня. И не только понял, а и добавил от себя, что я слишком мягко рассказал о некоторых штрихах войны и не сказал от всей души крепкое слово о войне.

Почитайте книгу «Ванька-ротный» и подумайте, чем отличается фронтовик от иного «фронтовика» и что такое война!

Шумилин Александр Ильич

3 мая 1983 года

1941 год

Глава 1

Отправка на фронт (август 1941 года)

Воинская часть, куда я был назначен после окончания училища¹, формировалась в летних лагерях на берегу озера Сенеж. Боевое назначение и номер нашей новой части мы в первые дни не знали. Мы знали твёрдо только одно – мы сразу будем отправлены на фронт. Солдаты на сборный пункт к нам прибывали командами из Москвы – проходящими поездами и потом пешком до лагерей. Там их встречали, сортировали и распределяли по ротам.

Обмундирование новобранцы получали на сборных пунктах в Москве, куда они по призывным повесткам приходили со своими матерями, женами и детьми. Предъявив повестки при проходе железных ворот, они прощались с родными и исчезали в дверях казармы. Потом, через некоторое время, они показывались где-то в узком окне, махали руками и смотрели в толпу, стоявшую за железной оградой. Скомплектованные команды выезжали на машинах с другой стороны.

В наших огневых взводах, нужно сказать, простых солдат-стрелков не было. Нас комплектовали специалистами оружейных и пулемётных расчётов. Среди наших солдат были командиры орудий, наводчики, заряжающие, оружейники, телефонисты. Годами все солдаты были не молоды. Средний возраст их составлял сорок лет. Были во взводе два-три молодых паренька, они выполняли обязанности подносчиков снарядов и патронов.

Нашей части присвоили номер, и она стала называться 297-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон УРа² Западного фронта. Мы должны были занять огневые бетонные ДОТы³ укрепрайона, протянувшегося от Ярцева до Осташкова. Нам этого не говорили, мы этого и не должны были знать.

Прошло несколько дней, в роты прибыли офицеры запаса. Появился и наш командир роты, старший лейтенант Архипов. Ему было тогда около тридцати. Архипов был среднего роста, волосы русые, лицо простое, открытое. У него была добрая улыбка. Но улыбался он не всегда, чаще был сосредоточен и занят делами роты. Он был кадровый офицер и прибыл в наш батальон из другой воинской части. Движения и речь у него были спокойными, команды и приказы он отдавал негромко, без крика. Он вроде не приказывал, а как будто просил. Сначала это было непривычно. На нас прежде орали и от нас требовали подавать команды зычным голосом, а тут был простой деловой разговор. Вскоре мы перестали суетиться, вертеться на каблуках и козырять навтыжку. Его исключительное спокойствие и в первую очередь рассудительность передались нам, и было неудобно подходить к нему чеканным шагом, шаркать ногами и стучать каблуками, как этого требовали от нас в училище.

Вся фигура Архипова и его внимательный взгляд говорили о том, что на войне нужна голова, а не строевая выправка. Дисциплина не в лихости и не в ухарстве, а в простых русских словах. Вот что теперь должно было войти в нашу жизнь. На войне не нужно будет козырять, и бить каблуками. На войне нужна стойкость и выдержка, терпение и спокойствие, точное выполнение приказа и команды. На войне солдат должен понимать тебя с полуслова.

¹ Московского Краснознаменного пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР, которое также называли «Кремлевским».

² УР – укрепрайон (укрепленный район).

³ ДОТ – долговременная огневая точка.

В один прекрасный день нам привезли и выдали каски. Командир роты вызвал нас к себе и сказал:

– Приучите солдат носить каски! И не на заднице на поясном ремне, а на голове, как положено бойцу по уставу. Вижу, ходят они и бросают их где попало.

Солдаты были сугубо гражданские лица. За обедом и в курилке у них рука тянулась под скулы – было всё время желание ослабить ремешок.

– Вот когда с котелком они будут управляться, не снимая каски, – считайте, что вы их уже приучили!

Со дня на день ожидалась отправка на фронт. На учебных площадках училища мы обучали солдат штыковому бою – колоть штыками и работать прикладами.

– Нам это не нужно, товарищ лейтенант! Мы будем, как финны, в ДОТах сидеть.

Я им не возражал, но всё же сказал:

– Без физических упражнений немыслима одиночная подготовка бойца. Без тренировки физических данных солдат – не солдат!

– Ну, если как учебные, то давай, командуй нами, лейтенант!

Уже с первых шагов они решили опробовать и прощупать меня. Они хотели узнать, насколько я упорный и придирчивый или покладистый и уступчивый. Солдат всегда норовит всё знать наперёд. Я не обрывал их окриками и спокойно требовал выполнения команд. Они нехотя подчинялись, но каждый раз старались отлынивать, шла проба сил. В конце концов, я им сказал:

– Вы призваны в действующую армию и обязаны выполнять то, что от вас требуют. Кто будет сопротивляться тихой сапой, я вынужден буду на тех подать рапорт для отчисления в пехоту! – Последние мои слова подействовали на них исключительно проникновенно.

* * *

И вот настал день отправки на станцию и погрузки в эшелон. Роты построились в походную колонну и знакомая, мощенная булыжником дорога под грохот солдатских сапог поползла назад. Повозки, груженные фуражом, продовольствием, амуницией и боеприпасами, стуча и пыля, потянулись на станцию вслед за ротами. За ними повзводно зашагали солдаты. Взвод за взводом, рота за ротой уходили на войну. И теперь эта узкая мощеная дорога вокруг Сенежа стала для нас началом неизвестного пути.

Смотреть на солдат было грустно и весело. Здесь действовал какой-то пестрый закон живой толпы. Одни шли легко, шустро и даже весело, другие – наоборот, шли понуро, устало и нехотя. Одни торопились, вырывались из строя куда-то вперёд, другие едва волочили по земле ноги.

Было жарко, безоблачно и безветренно. Дорожная пыль лезла в глаза. Пахло яловой дубленой кожей, новой кирзой, сбруей, дёгтем телег и лошадиным помётом.

В движении, в жаре и в пыли шагали солдаты и с непривычки потели. У одного каска откинута на затылок, у другого – она на носу. Из-под касок смотрели покрасневшие потные лица. Колонна двигалась то замедляя, то ускоряя свой шаг.

Потом, на фронте, на прифронтовых дорогах, они усвоят свой неторопливый ритм и шаг, пойдут без рывков, экономя силы. Они пойдут медленно и как бы нехотя, не соблюдая строя и не сбиваясь с ноги. Они со временем забудут, как солдаты ходят в ногу. «Ать-два, левой!» – это не для войны. Уметь пройти полсотни километров без отдыха и привалов, в полной солдатской выкладке – это, я вам скажу, высший класс для солдата.

Эшелон тем временем стоял на товарных путях. Рота вышла на поворот дороги, и мы увидели стоящий на путях эшелон. Десятка два товарных, открытые платформы и один пассажирский зеленый.

Для солдат и лошадей – товарные двухосные, для повозок, груза и кухонь – двухосные открытые платформы. Зеленый пассажирский – для медперсонала и нашего штаба. Для солдат товарные вагоны были оборудованы деревянными нарами в два яруса из толстых неструганых досок.

Солдат построили вдоль состава, осталось только узнать, в какой вагон их вести. Но состав был не полностью укомплектован, план посадки пришлось изменить. Когда всё было распределено и расписано, солдаты, толкаясь, побежали к вагонам. Им не терпелось пробраться вперёд. Залезая в вагон, они галдели, толкались и спорили. Каждый старался занять место поудобнее. Они, как школьники на экскурсии, бестолково цеплялись друг за друга, работали локтями и расчищали себе путь. Как будто было важно, где на нарах достанется место.

Вот люди! Едут на фронт, и даже тут не хотят прогадать. Я пытался удержать своих солдат, но где там! Разве их удержишь, если соседние взводы кинулись толпой к подножкам.

Солдаты были все одеты одинаково, а одежда сидела на них по-разному, да и характерами они были все разные. Они успели подружиться по двое, по трое и устроились вместе на нарах. А так вообще они фамилий друг друга не знали. Были среди них молчаливые и угрюмые, были, как обычно, болтуны и вертлявые. Эти повсюду совали свой нос. Они боялись что-нибудь прозевать, везде искали выгоду и новости, лезли со своими советами. Хотя разговор их не касался, и в их советах никто не нуждался.

Я смотрел на всех и думал: кто из них на фронте струсит, кто посеет панику, бросит раненого товарища, обезумев от животного страха. Кто? Вон тот молчаливый или этот шустрый, а может – тот рыжий с веснушками на носу? Сейчас, когда до войны не так далеко, по их виду не скажешь, кто проявит себя человеком, а кто будет шкуру спасать.

Все ожидали, что эшелон пойдёт в сторону Клина, а он, скрипя и стуча, выкатил к выходному семафору основного пути. Паровоз перецепили с другой стороны, и мы сразу поняли, что состав пойдёт на Москву. Никто точно не знал, куда будет держать свой путь эшелон. Ходили всякие слухи.

Поезд набрал скорость, и мимо вагонов замелькали поля и леса. Потом в пути стали попадаться пригородные станции и платформы с людьми, ожидавшими пригородные поезда. Не доезжая до Москвы, эшелон вышел к Лихоборам.

В Лихоборах мы простояли около часа. Кто-то разрешил выпустить солдат на платформу, чтобы они истратили деньги, которые были у них с собой. В ларьках брали всё: кто печенье и конфеты, а кто, естественно, бутылки с водкой и вином. Тот, кто разрешил, сделал большую ошибку. Через каких-то полчаса в вагонах уже гудело хмельное веселье.

Я был молод, и в житейских вопросах особенно не разбирался. Не усмотрел я, как в Лихоборах мои солдаты протащили в вагон бутылок десять водки и вина. Я не сразу заметил покрасневшие рожи своих солдат. Они помалкивали и потягивали из бутылок, забравшись подальше на нары. Потом нашёлся один шустрый, он подозвал меня и предложил выпить для настроения немного красненького вина.

– Выпейте, товарищ лейтенант! Мы расстарались для вас красненького, церковного кагора! Наши ребята все вас просят! Вон, посмотрите, даже и старшина!

Я посмотрел в сторону старшины, у него от удовольствия расплылась физиономия. Я обвёл внимательным взглядом сидевших на нарах солдат и отвернулся, ничего не сказав. Моё молчание для старшины было – как оплеуха.

«Дело серьёзное, – думал я. – Едут на фронт. По дороге всякое может случиться, возможна бомбёжка, в любую минуту может налететь немецкая авиация». Я не понимал особой радости тех, кто нализался без всякой причины. Но я не мог категорически приказать своим солдатам не брать в рот вина, когда весь эшелон гудел, переключаясь пьяными голосами.

На одной из остановок меня вызвали в вагон к командиру роты, он был крайне и приятно удивлен, что из четырех командиров взводов я был совершенно трезв. Старший лейтенант сам

не прикладывался в эшелоне к вину, но и мне ничего не сказал по этому поводу. Он просто запомнил на дальнейшее этот факт.

– Эшелон подойдёт к станции Селижарово, разгружаться будем на рассвете. Выгрузка должна пройти организованно. Безо всякой сутолоки и беготни. Не исключен налёт немецкой авиации. Взвод не распускать, держать всех в строю! Из вагона строем и бегом сразу за станцию! Твой взвод пойдёт на марше замыкающим! Если я отлучусь, ты останешься за меня. Всё ясно?

– Разрешите идти?

– Бутылки все выбросить по дороге! При разгрузке никаких бутылок не должно остаться в вагонах!

– Всё будет сделано, товарищ старший лейтенант!

– Надеюсь на тебя. Ступай к себе в вагон!

У меня поднялось настроение, и я, широко ступая, пошёл в сторону своего вагона. Вот я и получил веское подтверждение своему отношению к водке и выпивке своих солдат.

Ночь подошла и навалилась незаметно с разговорами и возней. Солдаты избавились от бутылок, легли на нары и притихли. Лежали на нарах, не раздеваясь, подоткнув под головы свои скатки и мешки.

Колеса мерно постукивали на стыках. Выглянешь в проём полуоткрытой двери, длинный состав, как сороконожка, ползёт по однопутному пути. Вагоны пошатываются, доски скрипят, а состав бежит по рельсам, то замедляя то, ускоряя свой ход.

Где-то у Селижарова мы должны занять оборону. Подошёл немец к этой линии или нет? Ночью поезд несколько раз останавливался. Паровоз надрывно фыркал, издавал короткие визгливые гудки. Потом, видно набравшись сил, подавал протяжный голос, остервенело дергал вагоны, и вдоль состава шёл перезвон цепей. Вагоны рывками трогались с места, и поезд, снова набирая скорость, бежал торопливо вперёд.

Где-то в Кувшинове к составу прицепили ещё один паровоз. Дело пошло веселей.

Солдаты похрапывали на нарах. Они не знали, что слышат в последний раз мерный стук колес, надрывистый, сиплый гудок паровоза, позвякивание цепей, пронзительный скрип буферных тарелок, покачивание разбежавшихся вагонов.

Перед рассветом поезд затормозил, загрохотал на входных стрелках у семафора, подкатил к какой-то станции и замер на месте. Потом как бы нехотя попятился назад, и вдоль вагонов забегали люди.

Вначале было трудно разобрать, что они кричали. Но вот вдоль вагонов полетела одна, вторая команда. И, наконец, громкий голос связного, просунувшего голову в открытую дверь, возвестил, что мы приехали и приступили к разгрузке.

Я послал к командиру роты связного и стал дожидаться ротного построения. Из общей толчеи повозок, лошадей и солдат постепенно стали отделяться взводы, повозки, роты и, наконец, весь вывалившийся наружу эшелон вытянулся на дороге в походную колонну.

Рота тронулась и пошла вслед за уходящей колонной. Мошеная дорога медленно поднималась вверх, и через некоторое время мы вышли из низины на свет. Несколько гудков паровоза долетело до нас со спины, и, как прощальный последний голос живого мира, они потонули в предрассветном пространстве.

* * *

Мы шли по булыжной дороге, медленно забираясь в гору. Перед нами постепенно открывался далекий и сумрачный горизонт. Поднявшись на гребень, мы впервые увидели бесконечную даль. Первый взгляд всегда оставляет в памяти неизгладимую картину. Мы, с каждым шагом удаляясь от Селижарова, шли молча, не меняя и не ускоряя шаг.

Колонна растянулась по дороге и разорвалась. Наконец одна из рот свернула в сторону, а мы продолжали идти куда-то вперёд. Каждая рота самостоятельно определяла свой путь. Мы шли, стуча железными набойками сапог, по неровной поверхности неширокой дороги. Мимо медленно, меняясь местами, проплывали поля и леса. Солдаты посматривали по сторонам, думая, что они приближаются к линии фронта, но кругом по-прежнему всё было тихо и сумрачно. Тишина! Зловещая тишина! Кругом такое спокойствие и такое безмолвие, что казалось, в ушах звенит после лязга и грохота колёс товарного поезда.

Серое утро встретило нас мелким дождём и прохладой. Булыжная мостовая кончилась, и мы шли по грунтовой дороге.

Я шёл сзади и следил, чтобы никто не отстал. Мне было поручено смотреть за отстающими солдатами. Я снимал груз с плеч отставшего солдата, сажал его на телегу и возвращался в конец строя. Через некоторое время отдохнувший солдат отправлялся догонять своих товарищей, а его место в повозке занимал новый обессиленный.

Недалеко от дороги, с правой стороны, показалась деревня. Избы стояли без всякого порядка, и казалось, что деревня вымерла от какой-то страшной болезни.

Скорее всего, подумал я, жителей деревни эвакуировали. Что это? Линия фронта проходит где-то рядом? По моим расчётам, мы успели пройти километров тридцать. За деревней снова показался лес, а за лесом – поле. Дорога свернула круто влево и пошла вниз. Вскоре мы увидели следы каких-то строительных работ. Здесь рыли, а здесь копали, здесь зарывали бревна и ставили столбы, лили бетон, засыпали песок, ровняли землю, укладывали дерн, прибывая его деревянными колышками. Здесь проходила линия обороны. Мы пришли на передний край укрепрайона. После недолгого совещания со взводными, командир роты объявил:

– Карты района у вас на руках не будет, командирам взводов не положено. Пойдём знакомиться с местностью, обойдём пешком весь район обороны.

И он повёл нас по переднему краю роты. Мы гуськом пробирались сквозь густые заросли кустов и деревьев, пригибались и перепрыгивали траншеи, неотступно следуя за ним. За короткое время мы обошли весь район обороны роты. Теперь, уточнив границы взводов, сектора обстрела и наблюдения, мы должны были развести по окопам своих солдат.

Приказа занять оборону ещё не поступало, поэтому благоустройство и дооборудование позиций было не наше дело. Взводам нужно было рассредоточиться по всей линии участка и ждать боевого приказа сверху. Мы заняли небольшую землянку, я выставил охрану, назначил смены часовых и объявил распорядок дня.

Окопная жизнь началась для солдат как-то сразу, без всяких вступлений и подготовки. В землянке весь взвод разместиться не мог, часть людей осталась на ночь в открытых окопах без крыши. Каждый мог на место ночевки принести себе охапку хвороста или соломы, если где-то под боком была возможность её найти.

Ещё вчера, лежа в вагоне на сухих шершавых неструганых досках, они потягивали из горлышка сладковатый портвейн, курили папиросы и беззаботно пускали табачный дым под потолок. Сегодня, устав от марш-броска, они попали в сырые липкие окопы. От непривычки руки и ноги потяжелели, хребет и шея болели, а снять с себя что-нибудь и сбросить на землю солдату было не положено. В чём есть солдат на ногах, в том и ложись! Да ещё винтовку свою покрепче прижми.

С утра я солдат включил в работу. Они, ничего не понимая, копались в земле. Я знал по опыту, что солдат надо сразу втянуть в работу и в суровый режим. Главное – не дать солдату разомлеть и расслабиться. Впереди будет немало тяжких переходов, и каждый раз после них нужно иметь запас сил. В этом, вероятно, мудрость физической закалки солдата. Теперь, когда рота вышла на рубеж обороны, обстановка могла измениться в любую минуту, об этом меня предупредил командир роты.

Вечером, когда меня вызвали к командиру роты, я слышал там разговор про немцев. Прибывший из штаба батальона офицер рассказал, что они были верхами впереди километров на двадцать и слышали на западе артиллерийскую стрельбу. Орудия били залпами. Настоящая канонада! Слово «канонада» в рассказе офицера звучало солидно и весомо. Я сам никогда не слышал гула артиллерийской канонады и мог её только представлять по сюжетам кино. А этот незнакомый офицер слышал её в отдалении. Ему исключительно повезло! Он успел побывать на линии огня и фронта.

Вернувшись в расположение своего взвода, я подозвал старшину и многозначительно сказал:

– Люди слышали впереди канонаду!

– Наверняка, это наши! – уверенно заявил старшина.

– Я тоже так думаю, – согласился я, – иначе и быть не может! Устроить канонаду могли только наши!

Я никак не предполагал, что на Западном фронте у нас нет ни снарядов, ни артиллерии. На фронтовых складах вообще отсутствовали боеприпасы, а у отступающих солдат давно кончились ружейные патроны. Вот почему многие, кто бежал и отступал от немцев, побросали свои винтовки.

Прошло несколько дней, из-за леса, где, по рассказу офицера из штаба, громыхала канонада, появились маленькие группы солдат. Они шли без противогазов, без касок и без винтовок... Когда мы их остановили и спросили, кто они и откуда идут, где сейчас бои и грохот нашей канонады, они очень удивились и отрицательно помотали головами.

– Мы идём оттуда! – и они неопределенно показали в сторону леса.

– Никакой канонады там не было! – ответил сержант.

Ничего конкретного о боях и о нашей артиллерии они сказать не могли. Они шли через леса и болота, без продуктов питания и без курева. Они проходили большую деревню и видели, как жители из колхозных амбаров тащили зерно и увозили его по своим домам на телегах.

– В деревне бабы и старики ходят в открытую, а мужики и парни призывного возраста по избам прячутся. На глаза не лезут. Войну в деревне хотят переждать, – пояснил один солдат.

– А почему их заранее не эвакуировали? – спросил кто-то из наших солдат. – Здесь, в этой местности, из деревень всех вывезли!

– Нам об этом ничего не известно!

Окруженцам показали дорогу на Селижарово, там располагались штабы и тыловые части, там на местах была советская власть.

* * *

Ночь прошла беспокойно. На душе осталась смута и неприятное волнение. Кругом было по-прежнему тихо и с военной точки зрения вполне спокойно. Мы не знали, что перед нами наших войск давно уже нет.

Утром снова над позициями появились дождевые облака. Ударил раскатисто гром и покатился над лесом. Может, наш офицер из штаба перепутал раскаты грома с фронтовой канонадой и «заливал» нам относительно передовой? Заморосил мелкий дождь. Над землей нависла серая непроглядная мгла.

Мы находились на Валдайской гряде. Сзади нас находится шоссе Осташков – Селижарово, а в деревне Язово расположился наш командир роты. Мы находились на линии обороны, которая проходила по окраине деревни Вязовня.

Впереди лес. За лесом – дорога и деревни Ясенское, Пустоша и Семеново. За дорогой высота 288, а далее деревня Косарево и железная дорога со станцией Сигово.

Я смотрел у офицера штаба карту, когда он приезжал. Я зарисовал план местности без нанесения огневых точек и рубежа обороны. По общей схеме обороны укрепрайона взвод занимал не самую первую линию окопов и ДОТов. Я узнал, что нас вывели временно на этот рубеж. Инженерные сооружения на этой линии не были ещё готовы. Мы должны были следить за качеством работ и принимать у строителей каждый объект. Мы следили за количеством бетона, чистотой засыпаемого гравия, за пригодностью опалубки, за толщиной бетонных перекрытий.

Никто не знал, что через неделю из штаба фронта придёт приказ и нас в срочном порядке перебросят на другой участок УРа, в район Сычевки. Нам придётся много дней идти пешком через леса, поля и деревни по разбитым и залитым дождём и грязью дорогам. Мы будем преодолевать крутые спуски и подъёмы, и, наконец, к 20 сентября выйдем на левый фланг нашего укрепрайона, где среди многих деревень одну называют Шентропаловка.

И действительно, через неделю мы получили приказ сняться и совершить марш в указанный район.

Взвод пристроился сзади роты, и рота стала медленно подниматься вверх по размытой дождём дороге.

В темноте мы упорно двигали ногами и вскоре дошли до следующей деревни. Пройдя ее, мы стали снова подниматься в гору. И только вступив на мощеную дорогу, мы взяли размеренный шаг, зашагали уверенно, чувствуя под ногами твердую опору. На слякоть и лужи уже никто не обращал внимания.

Всем хотелось побыстрее дойти до места, повалиться на землю, вытянуть ноги и закрыть глаза. Впереди ещё не показались станционные постройки Селижарова, а рота свернула с дороги и оказалась в лесу. Здесь роту остановили, рассредоточили, солдаты сразу повалились на землю и распластались кто где. Я приказал составить винтовки в козлы и выделить часовых для охраны и порядка.

Кое-кто ещё нашёл силы, потопал ногами, повозил, пошаркал подметкой по траве, стараясь в темноте нащупать сухое место. Но большинство легло там, где их остановили. Они валились на землю, как падают мертвые, подбитые пулей тела. Только часовые остаток ночи торчали вертикально, как пни.

Мы со старшиной не могли сразу лечь, у нас были разные дела, нас вызывал к себе Архипов. Освободились мы, а на небе уже легла серая полоса рассвета. День обещал быть светлым и не дождливым, но бестолковым. Нас без конца вызывали, что-то важное сообщали и, наконец, велели сидеть и просто чего-то ждать. Тыловые службы вечно не дают людям покоя. То им представь списки, то распишись в получении вещевого книжки, то тебе хотят выдать яловые сапоги, которые ты давно получил, и они у тебя на ногах.

С рассветом со стороны дороги вдруг потянуло приятно дымком. Громыхая по булыжной мостовой, с дороги свернула батальонная кухня. Она с горящими топками мягко вкатилась в лес, побудку солдат делать было не надо. Этот желанный запах в один миг поднял на ноги лежащих на земле. В такой момент даже спящий, не открывая глаз, способен подставить под черпак свой котелок.

Старшина установил сразу железный порядок, чтобы никакой ловкач не втёрся без очереди. За это шустрые проныры беспощадно карались. Их отставляли в сторону у всех на виду, и им полагалось приблизиться к кухне самыми последними. Этот метод очень воспитывал солдат, вырабатывал у них уважение к другим и развивал чувство товарищества.

Снабжали нас хорошо и кормили солдат в батальоне досыта. Еда в котлах была густая, наваристая, вкусная и сытная. Повара, повозочные, каптенармусы, кладовщики и офицеры снабжения все были новобранцы и москвичи. Они не успели сработаться, привыкаться и объединиться друг с другом. Они ещё не «спелись» и остерегались открыто или тайно тащить из общего котла. Здесь не было своры нахлебников, вымогателей и воров. Всё это мы познали позже, когда попали в сибирскую кадровую дивизию.

День с самого рассвета выдался ясным. После утренней поверки и кормёжки солдатам разрешили отдыхать.

К полудню в расположение роты подкатила крытая полуторка. Все офицеры и старшины были вызваны за получением зарплаты. Мы получали толстые пачки денежных купюр за прошлое и за будущее время. Что это? Почему так щедро выдавали деньги? Может, шоссе перерезано? Или мешки с деньгами стали в тылу не нужны? Первый раз за всю жизнь я держал в руках целое состояние.

– Откуда приехали? – спросил я начфина, который выдавал нам деньги.

– Откуда надо! Получил, и отходи побыстрей! В Селижарово телеграф работает, идите на станцию и переводите деньги домой.

Набив карманы деньгами, не будешь таскать их по окопам на передовой. «Нужно идти!» – подумал я. Ещё несколько офицеров роты пошли на станцию вместе со мной.

В этот день ничего существенного не случилось. Была вторая кормёжка. Вечером рота построилась и вышла на дорогу. Делая малые и большие привалы, и взяв направление на Ржев, мы продолжали двигаться к Кувшинову.

* * *

Из Селижарова наша рота вышла с рассветом. Других рот нашего батальона мы на дороге не видели. В пути мы сделали несколько привалов и к вечеру подошли к Кувшинову. По дороге не встречалось ничего примечательного, кругом безлюдные поля и леса, как везде.

Когда с опушки леса мы стали подниматься в гору по склону неглубокого оврага, то за насыпью железнодорожного полотна увидели крыши домов и почувствовали запах гари. Свернув на железнодорожное полотно, рота подошла к окраине города. Город небольшой, в сорок первом году здесь проживало всего восемь тысяч жителей. Мы посмотрели вперёд. На станционных путях стояли разбитые и обгорелые вагоны. От вагонов ещё шёл едкий запах и дым. Немцы бомбили станцию накануне нашего прихода. Кругом свежие воронки от бомб, обгорелые скелеты товарных вагонов и догорающие станционные складские постройки...

Первый раз мы увидели живую картину войны. Так нам тогда, по крайней мере, казалось. Мы почему-то остановились. Стояли и долго смотрели молча, пытаясь представить себе, как всё это происходило, саму бомбежку и разрывы фугасных бомб. Для нас это было ново и совсем необычно. Трудно себе представить то, что сам никогда не видел и не испытал на себе. Само Кувшиново от налета немецкой авиации не пострадало. Немцы бомбили только станцию. Дома, где жили люди, все были целы.

Выйдя на дорогу, которая вела на Торжок, рота остановилась в сосновом лесу. У дороги под соснами были вырыты длинные, с двухскатными крышами, землянки. В одну такую землянку можно было поместить целую роту. Только островерхие крыши, укрытые сверху травянистым дёрном, выступали над землей. Сверху, кроме свежего дерна их прикрывали лохматые ветви деревьев. Это были сооружения довоенного образца. При хорошей бомбежке, попади в такую землянку единственная бомба – от расположенной в землянке роты не осталось бы ничего. Позже, на фронте, мы такие землянки не строили. Но тогда, расположив своих солдат на дощатых нарах, при свете керосиновых ламп «Летучая мышь», мы были уверены, что здесь вполне безопасно. Выставив наверх часовых и назначив внутри при входе дежурных, мы приступили к чистке оружия и проверке наличия у солдат амуниции. Старшине я велел выявить солдат с потёртыми ногами и больных. Окончив проверку и доложив командиру роты о полном порядке во взводе, я вышел наверх подышать свежим воздухом.

Глава 2

Укрепрайон (сентябрь 1941 года)

В один из сентябрьских дней, на рассвете, миновав несколько разбросанных у дороги серых, неказистых изб, рота свернула в сторону леса и вошла под деревья. Рота остановилась, и солдаты кто где повалились на землю. Сколько мы прошли за эти дни? Мы потеряли счёт времени, километрам, дневным привалам и ночным переходам.

Командир роты всё время шёл впереди, и меня вызывали к нему за получением дальнейших указаний. Солдаты думали, что это обычный дневной привал. Но прошло совсем немного времени, и я вернулся обратно. Солдаты только что опустились на землю, а лейтенант явился и подал команду строиться.

– Подъём! – закричал старшина.

Солдаты, охая и вздыхая, нехотя стали подниматься.

– Шевелись! – пробасил старшина.

После некоторой неразберихи и толкотни солдаты построились, подравнялись и пошли за мной в глубь леса.

Когда на ясном небе появилось солнце и осветило всё кругом теплым и мягким светом, когда всеми цветами радуги заиграла осенняя листва, мы вышли на опушку леса.

Вскоре мы увидели замаскированный дёрном и посадками ДОТ. Это был наш ДОТ, и он стоял на самом левом фланге Ржевского участка укрепрайона. Левее нас и дальше укреплений не было, там простирался лесной массив и болота. Только за лесом, южнее, где-то у Сычевки, снова продолжалась линия Вяземского укрепрайона. Мы вышли на рубеж, где должны были сдерживать немцев, наступающих на Москву, Ржев и Калинин.

Укрепления и бетонные огневые точки уходили от Шентропаловки в сторону станции Мостовой и дальше, к городу Осташков. На нашем участке линия обороны шла по склонам высоты 254. Дальше она поворачивала на Вязоваху, Борки, Дубровку и Мостовую. Это был участок обороны нашего батальона.

В лобовой части ДОТа была вмонтирована стальная броневая плита. В ней вращался полуметровый стальной шар, в центре которого имелось сквозное отверстие для пушки.

С внутренней стороны ДОТа в шар был установлен ствол 45-миллиметровой пушки. Внутри ДОТа шар и ствол были соединены с механической турелью и сиденьем для наводчика. Турель, лафет, ствол пушки и сиденье наводчика вращались вместе с шаром.

Если посмотреть на ДОТ с внешней стороны, то он выглядел в виде небольшого холма с насаженной травой, кустами и росшими на нем небольшими деревьями. И только у самой земли, с близкого расстояния, можно было увидеть серое стальное яблоко с черным зрачком посередине. Оно, как у живого циклопа, вращалось во все стороны и зорко следило, поджидая появления немцев и их танков.

На следующий день мы получили боевой приказ на оборону занимаемого рубежа.

После первого дня отдыха свободные от боевого дежурства солдаты приступили к земляным и строительным работам.

Через несколько дней в окопы и траншеи, что были в промежутках между ДОТаами, вошли стрелковые подразделения 119-й стрелковой дивизии. Солдаты стрелковых рот тоже занялись земляными работами. Промежутки между ДОТаами, в которых сидела пехота, составляли от двух до трех километров.

Наши бетонные казематы имели различные технические устройства и оборудование.

В ДОТе было электрическое освещение от аккумуляторов, система сигнализации и две подземных линии телефонной связи, которые глубоко под землёй шли на командный пункт роты и укрепрайона. Телефонные трубки были необыкновенной величины. В них можно было

разговаривать во время стрельбы из пулемёта и пушки. А во время стрельбы в ДОТе стоял такой гром, что крика и баса старшины не было слышно.

Сверху был вмонтирован подъёмный перископ для наблюдения за полем боя.

Многие тысячи жителей Ржева и Калинина, Торжка, Старицы и Осташкова и других городов Калининской области работали на строительстве этой оборонительной полосы. Ржевский укрепленный район протянулся на сотни километров. Но глубина оборонительной полосы была небольшой, она фактически была вытянута в одну узкую линию. Прорыв её при массированном ударе артиллерии и авиации не представлял особого труда.

Время на нашей позиции в трудах и заботах шло незаметно. Мы засыпали в подземные хранилища картошку и капусту, пилили и кололи дрова, готовились основательно и долго стоять на этом рубеже.

Как-то перед рассветом на минном поле рванула мина. Из темноты послышались крики и взволнованные голоса. Мгновенно была объявлена боевая тревога. Мы и раньше тренировали своих солдат занимать свои места по тревоге. А в этот раз места по боевому расписанию были заняты с большим опозданием. Это явление обычное, когда объявления тревоги солдаты серьёзно не ждут. Накануне всё было тихо и спокойно. Нас предупредили, что немцы должны быть где-то на подходе, но перед нами они ещё не появлялись.

* * *

7 сентября 1941 года приказом, как у нас говорят, три ноля пятьсот девятнадцать по войскам Московского военного округа, мне было присвоено воинское звание лейтенант, а 22 сентября, пятнадцать дней спустя после отправки на фронт, я получил ранение в ногу.

Дело было так. Меня вызвал к себе командир роты за получением боеприпасов для огневой точки. Был яркий и солнечный день. Мы шли со старшиной Сениным по лесной узкой дороге, было жарко даже в тени.

– Ну и погодка! – басил он. – Настоящее бабье лето! Какая будет зима?

Мы подошли к деревне, где стояли наши ротные повозки, и в это время подъехали две груженные боеприпасами машины. Командир роты направил их к опушке леса. Они въехали в край леса, и мы подошли, чтобы отобрать себе боеприпасы, и в это время откуда-то прилетел немецкий самолёт. Откуда он взялся? Всё произошло так внезапно и быстро! Мы не успели отбежать от машины, он сбросил несколько фугасных бомб. Сбросил и улетел. На этом всё и закончилось. Машины и боеприпасы не пострадали, прилетевший немец явно дал маху, а мне касательно попал в ногу осколок. Пробило сапог, задело сверху ступню, пошла кровь, а боли я никакой не почувствовал. Старшина помог мне снять с ноги сапог, рана была небольшая. Осколок рассёк мне ногу сверху сантиметра на два. Подошва ноги была цела. Прибежал ротный санитар, смазал мне чем-то рану и наложил повязку. Мне даже в голову не пришло, что у моих солдат во взводе отсутствуют перевязочные пакеты. Я об этом вспомнил только потом.

Старшина Сенин получил снаряды, и я на ротной повозке уехал к себе. Некоторое время я хромал, ходил даже с костылём, который мне смастерили солдаты. Но вскоре рана перестала болеть, по-видимому, затянулась.

Об этом ранении я даже не хотел говорить, это была царапина по сравнению с настоящей раной. Но события последующих дней, моя хромота, которая мешала мне ходить, и резкое изменение обстановки перевернули в один день всю нашу спокойную жизнь.

Никто не предполагал, что наше пребывание в укрепленном районе однажды и сразу неожиданно кончится. Все подземные сооружения и бетонные укрепления нам придётся внезапно бросить и бежать.

9 октября, в пятницу, во взводе устроили баню. Её закончили конопатить высушенным на солнце мхом. Уложили на обручах по-черному камни, чтобы пахло дымком, и решили зато-

пить. Старшина объявил банный день, и солдаты, свободные от дежурства, пошли париться первыми, чтобы потом подменить остальных. Раскалённые камни шипели и фыркали, когда на них плескали водой...

После бани все разомлели и раскраснелись, собирались попить чайку, поиграть в картишки и отдохнуть от парилки, от легкости, свежести, от веников и мытья. День подходил к концу.

А к вечеру во взвод прибежал командир соседней стрелковой роты и выпалил на ходу:

– Мы снимаемся! У нас приказ отходить за Волгу! Ваши со всей линии из ДОТов ещё днём ушли! Вы остались последние! Я через десять минут снимаюсь! У меня приказ немедленно покинуть траншею!

Я кинулся к своим телефонам, у меня их по двум линиям было два. Но подземная связь УРа уже не работала. Почему нам не позвонили и не передали приказ? Про нас просто забыли, – решил я.

– У меня нет приказа на отход. Я не могу бросить технику и боеприпасы, оставить ДОТ и самовольно уйти за Волгу! – сказал я командиру стрелковой роты.

– Пойдём ко мне! – сказал он. – У меня есть связь с нашим полком. Поговори с начальником штаба. Он скажет тебе, что делать.

Я пошёл в стрелковую роту, соединился по телефону со штабом полка и спросил:

– Кто говорит?

– Не важно, кто! Есть приказ немедленно сниматься и возможно быстрее уходить за Волгу. Немцы прорвались у Мостовой. Незанятый перешеек шириной три километра расположен чуть западнее Ржева. Его надо завтра к вечеру проскочить. Взорвите матчасть и отходите немедленно. Через десять минут я снимаю роту с траншеи. Командир роты тебе объяснит, с кем ты говорил.

У нас был подвешен рельс на случай сбора по тревоге. После бани было объявлено свободное время, и любители собирать грибы могли уйти в лес. Старшина ударил в рельс, и солдаты тут же собрались. Я окинул их взглядом, все стояли в строю. Я объявил приказ и дал им пять минут на размышления и сборы. Через пять минут старшина ударил ещё раз, все были в полной выкладке и сборе. Взорвав затворы у пушки и пулемета, облив керосином запасы продуктов, мы двинулись в расположение стрелковой роты.

Глава 3

В окружении (октябрь 1941 года)

Вечерние сумерки спустились над дорогой. Мы шли за стрелковой ротой, и каждый был занят своими мыслями.

Я думал, хромая, почему нас не предупредили и бросили в ДОТе? Как случилось так, что мы остались одни? Интересно знать, где сейчас находятся немцы? Не закрыли ли они трёхкилометровый перешеек, к которому мы должны будем идти целые сутки? Рассуждая и строя догадки, я совсем не заметил, как на землю спустилась ночь.

Впереди в нескольких шагах почти бесшумно шли солдаты стрелковой роты. Роту вел офицер, представитель полка. У него была карта и маршрут движения. Из всех отступающих войск мы шагали последними.

Во время марша, когда по дороге впереди идут другие солдаты, за дорогой не следишь. Мы пристроились сзади, шли у них на хвосте, стараясь не отстать. И вот моя задумчивость и хромота обернулись для нас неожиданной развязкой.

За одним крутым поворотом стрелковая рота нырнула в темноту, оторвалась от нас и пропала из виду. Мы ускорили шаг, что на марше обычно не делают, и попытались догнать её. Минут двадцать в темноте мы гнались за ней, но впереди на дороге никого не оказалось.

Такое впечатление, что люди провалились сквозь землю. Разогнавшись, мы не сразу сообразили, что напрасно бежим и что нам нужно остановиться. Тяжело дыша, мы наконец в растерянности встали и попытались на слух уловить топот солдатских ног, уходящих от нас. Но солдаты по грунтовым дорогам ночью ходят беззвучно, если вместе с ними на дороге не тарахтят телеги и не скрипят колеса, если не фыркают лошади и не ругаются ездовые.

Мы потеряли стрелковую роту и остались стоять в темноте на дороге одни. Тяжело вздохнув, я виновато окинул взглядом своих солдат. Они столпились в кучу и молча смотрели на меня.

«Вот растяпа!» – наверное, думали они. Лейтенант, командир взвода, идёт впереди, ведёт за собой целый взвод солдат, а сам спит на ходу. Взял и упустил стрелковую роту! От одной этой мысли меня бросило в жар. Вот и первая твоя промашка, лейтенант! Когда-то ты должен был сделать ошибку! Вот поучительный пример твоей беспечности и отсутствия внимания.

«Что будешь делать, лейтенант?» – спросил я сам себя.

Случилось самое непостижимое, неприятное и почти непоправимое!

Я стоял на дороге, смотрел на своих солдат, стирал рукой пот с лица и не находил ни одного слова в своё оправдание.

Ни маршрута движения! Ни карты местности! Куда идти, я совершенно не знал. У меня был только компас и на плечах голова. Думай! Соображай! Что будет дальше?

Мы вернулись назад, потоптались на месте, пошарили в темноте, потеряли ещё немало времени, пытаясь отыскать следы на дороге. Но все дороги войны одинаково разбиты, размыты и истоптаны, и наши поиски следов ничего не дали.

Мелькнула мысль разослать солдат в разные стороны. Но другая подсказала совсем обратное. Ночью бегай, не бегай, ничего не найдёшь! Пошлешь солдат на поиски в разные стороны и всех в темноте потеряешь! Главное, пусто кругом и спросить некого! Куда ведут эти дороги? Какую дорогу выбрать? По какой из них идти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.